

Ростислав Станков (София, Болгария)

СЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД ХРОНИКИ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА
В ИЗДАНИИ В. М. ИСТРИНА

Хроника Георгия Амартола, написанная до 842 г., во второй половине X в. расширенная извлечением из Хроники Симеона Логофета (Васильевский 1895, 96—119, Каждан 1959, 141), известна в двух славянских переводах. Первый из них ("Временник") сохранился примерно в двух десятках русских списков (Словарь книжников 467—470, Старобългарска литература 499, Вейнгарт 1923, 64—71), старший из которых (Моск. Дух. Акад. № 100 или Троицкий по В. М. Истрину), относится к XIII—XIV вв. М. Вейнгарт (1923, 65, 70—71) указал также на сербский список конца XVI — начала XVII в. в Описании рукописей монастыря Крушедола С. Петковича (1914, 214—217, № 80). Второй перевод („Летовник“) ныне известен по 11 сербским спискам XIV—XVII вв. (Вейнгарт 1923, 145—46).

Относительно „Летовника“ можно сказать, что сербские списки восходят к среднеболгарскому протографу (см. случаи мены юсов — в серб. $\epsilon \leftrightarrow \text{ou}$ — в списке Моск. Синод. библиотеки № 148, 1386 г., Вейнгарт 1923, 161), а это дает основание считать данный перевод болгарским. Со всем по-другому обстоит дело с "Временником": вокруг него разгорелась жаркая полемика, и уже более полувека исследователи продолжают ломать копья, пытаясь дать убедительный ответ на вопрос, где и когда был сделан этот перевод (Истрин 1906, 1910, Истрин II, 268—309, III, V-L, Истрин 1923, Вейнгарт 1923, 69 и след., 500—521, Дурново 1925—26, Лавров 1925—26, Розов 1925—26, 1926, Достал 1963, Мещерский 1978, 68—79, Франклин 1988, Томсон 1993, 338—340).

Большинство русских исследователей XIX в. считало, что „Временник“ переведен в Болгарии (см. литературу в Словаре книжников 469—70). Лишь И. И. Срезневский и А. И. Соболевский высказывали сомнения по этому поводу (Срезневский 1867, 20—26, Соболевский 1910, 177 = Соболевский 1980, 147).

Проблеме перевода „Временника“ в издании В. М. Истрина посвящена настоящая работа.

Мнения относительно происхождения „Временника“ можно сгруппировать следующим образом: 1) перевод сделан в Болгарии (Вейнгарт, Достал, Томсон); 2) перевод сделан в Киевской Руси (Истрин, несколько менее решительно Франклин); 3) промежуточные взгляды разделяют А. И. Соболевский, Н. Н. Дурново, В. Розов, Н. А. Мещерский, которые считают, что перевод был сделан в Болгарии, затем отредактирован на Руси; 4) особняком стоит мнение П. А. Лаврова, согласно которому язык перевода содержит как моравские, так и южнославянские языковые характеристики.

Рассмотрим более подробно аргументацию В. М. Истрина. По его мне-

нию, налицо с десяток „соображений“, позволяющих определить происхождение перевода Хроники Георгия Амартола как русское (Истрин II, 275—309). Полутно постараемся указать на отдельные характерные особенности древнеболгарского языка, оставшиеся вне поля зрения В. М. Истрина.

1) Полногласие. Сам В. М. Истрин справедливо заметил, что „полногласные формы сами по себе ничего не могут говорить в пользу того или другого происхождения памятника“ (II, 275). Полногласие лишь указывает на происхождение рукописи. Некоторые слова с полногласием в других списках Хроники являются в неполногласной огласовке; на это обратил внимание также М. Вейнгарт (1923, 510). Например *порозъ* 180, 12¹ (вариант *порозать*, *пороса*², *прасать*) κριοῦς Б 256, 17.² Судя по чтением *прасать*, *пороса*², и греческого соответствию κριοῦς 'баран', речь идет о болгарском *прас* 'плодный баран' (Геров IV, 259; у Младенова 503 — *праз*). В русском — *пороз* и *порос* 'бык, бугай, плодный, некрошенный' (Даль III, 320), в некоторых русских диалектах — 'кабан' (там же). Отдельные полногласные слова встречаются в глоссах: *неаполѣн*, *рекше новъ городъ* 468, 26, *до порома*, *рекше до перевоза* (вариант *перевозъ*) 518, 10. По мнению В. М. Истрина, слова *порома*, *перевозъ*, *мороморанъ*, *городъ* принадлежат языку перевода, потому что они употреблены в глоссах (II, 277—78), а это указывает на русского переводчика. В. М. Истрин убежден, что все принадлежат перу переводчика. О глоссах речь пойдет далее по ходу изложения. Отметим лишь довольно странное поведение „русского“ переводчика, который одно полногласное слово истолковал другим полногласным (*до порома*, *рекше до перевоза*, *перевоза*). Рассуждения В. М. Истрина типа „также едва ли можно думать, чтобы южнославянский переводчик употребил довольно необычное для него слова χλαῖος (σκληῖος)“ (II, 278) мало что дают исследователю. В Словаре И. И. Срезневского (III, 1369—70) *χλαῖος* 'раб, слуга' встречается исключительно в ветхозаветных текстах. Ср. современное болгарское *хлане*, *хланак* пренебрежительное к маленькому мальчику. Пейоративный характер семантики болгарского слова является остатком древнего значения 'раб, слуга', особенно если учитывать то, что „функцию“ раба или слуги в древности часто исполняли мальчики. Не перевел бы же переводчик греческое σκληῖος словом *славянин*.

Не вдаваясь далее в подробности, скажем, что ни один случай полногласия нельзя с уверенностью отнести за счет языка перевода, о чем писал также П. А. Лавров (1925—26, 671).

2) Префикс *вы-* с глаголами. Большие надежды возлагает В. М. Истрин на глаголы с префиксом *вы-* в тексте Хроники. Он указал на 11, по его мнению, бесспорных случаев с префиксом *вы-* и на один вероятный (II, 278—279). Анализ показал, что в славянском тексте Хроники нет ни одного убедительного примера на употребление глагольного префикса *вы-*. Начнем с вероятного случая: *аще нмаши еднного хрѣбра во възхъ свохъ еднному на свю нзнтн* (вариант *вынтн*, *вынатн*, *выннтн*) *на еднного съчьца перса-ннна* 400, 12—13 (εἰ ἔχεις ἕνα δυνατὸν ἐκ τοῦ λαοῦ σου δυνάμενον μονομα-

¹ Числа после славянского текста указывают на № стр. и строки в издании Хроники В. М. Истрина (том I).

² Буквы Б, В, М и числа после них указывают на № стр. и строки в изданиях греческого текста Хроники де Боора, В. М. Истрина (II том), Муральга.

χῆσαι καὶ νικῆσαι Πέρσων В 607,2—3). Славянский и греческий тексты несколько расходятся: либо мы имеем дело с более свободным переводом, либо текст перевода подвергся дополнительной правке, о чем свидетельствуют разночтения. И в том, и в другом случае вариация префиксов **нз-** и **вы-** по спискам ставит под сомнение не только этот, но и все остальные случаи на **вы-**. Особенно показателен для методики анализа В. М. Истрина следующий пример. На стр. 564, 15, по его мнению, форму **всылаа** следует читать как **высылаа** (II, 279), при этом не учтено разночтение **возсылаа**. Очевидно, что здесь имеем дело с глаголом **въсѣлати** в его русской форме **въсылати** (с выпадением слабого [ъ] в одном из списков) в значении 'слать, воссылать (наверх)'. Это подтверждается и контекстом: **н в гора соущимъ мннх^о . . . не преста по вса лѣта ругы сылаа (возсылаа) 564, 13—15 (ἀλλὰ καὶ τοὺς ἐν ὄρεσι μοναχοὺς . . . οὐ διέλιπεν ἐτησίους ρόγας ἐξαποπέλλων В 58, 18—20)**. Автор обошел стороной семантику префиксов. Основное пространственное значение префиксов **нз-** и **вы-** выделительное, а именно, — направление движения изнутри пространственной единицы. Основным же пространственным значением приставки **въс-** является значение направленности движения **наверх**. В указанном контексте движение **наверх**, в гору, очевидно, что дало возможность переводчику употребить глагол с префиксом **въс-**, несмотря на греческий глагол с префиксом **ἐξ-**.

Небольшое замечание о слове **руга** от греческого **ρόγα** 'плата, жалованье, вознаграждение'. Неправ, по нашему мнению, М. Фасмер (III, 512), считающий русское **руга** заимствованием из среднегреческого **ρόγα**. Во-первых, М. Фасмер не включил в свой перечень слов болгарское **руга** 'плата, жалованье' (Геров V, 87). Во-вторых, он не учел переход греческого ударного [ó] в [u] при заимствовании греческих слов болгарским языком (Дзидзилис 1990, 22—23). Следовательно, в огласовке [ruga] это слово было заимствовано из среднегреческого древнеболгарским языком и затем, судя по памятникам (Срезневский III, 184—85), очень рано проникло в древнерусский язык. В древнерусский язык слово в таком виде могло проникнуть только из болгарского письменного источника.³ Возможно, перевод Хроники Георгия Амартола и послужил источником для заимствования **руга** древнерусским языком, так как составителю Повести временных лет он был уже известен. Правда, необязательно считать, что источником для заимствования послужил лишь один текст.

Другой пример: **н многы (вариант много) тысящѣ ѿ ннъ извнше, въ всю землю въгнаша а 434, 30 (καὶ πολλὰς χιλιάδας ἐξ αὐτῶν κατασφάζαντες πρὸς τὴν ἰδίαν γῆν ἐξήλασαν В 671, 4—5)**. В. М. Истрин предлагает читать фразу так: **въ свою землю выгнаша а**. Здесь необходимо отметить, что предлог **въ** инклюзивной семантики никак не может сочетаться с префиксом **вы-** эксклюзивной семантики. Греческий предлог **πρὸς** с аккузативом имеет значение приближения к пространственной единице. Переводчик мог употребить

³ На Преславском симпозиуме в сентябре 1993 г. Й. Райнхарт заметил, что подобное явление наблюдается и в русском языке, указав на слова **парус**, **уксус**. Звук [u] в **парус** от **φάρος** не является рефлексом греческого ударного [ó]. Относительно **уксус** из греческого **ὄξος** можно обратить внимание на то, что у Срезневского (III, 1193) слово отмечено в Студийском Уставе конца XII в. и в Сборнике монашеских поучений XII в. Это ставит под сомнение прямое заимствование в древнерусский язык из среднегреческого, несмотря на отсутствие **уксус** в болгарском языке.

в данном случае предлог *до*, но он выбрал *въ* (возможно сочетание предлога *до* с глаголом на *нз-* в соответствии с греческим *ἐξ-* показалось ему несовместимым), что обязывало его использовать глагол с префиксом *въ-*. Что касается чтения *всю*, то это, скорее всего, описка.

ВЫСКОЧНТИ: *выскочи нѣкын нзъ амвона* 533, 25 (*ἐκπεπηδηκώς τις τοῦ ἄμβωνος* В 31, 9). В тексте, однако, встречаются и глаголы *нскочнти* и *отъскочнти*: *н вндъвъз поучннѡу прѣстерѡу*, *нскочи* (вариант *ѡскочи*) *н въспн вельми* 304, 20—21 (*καὶ ἰδὼν τὸ πέλαγος ἄχανές, ἀπεπήδησε μέγα βοήσας* В 443, 12—13); *нскочнвъз нс полка своѣго* 204, 6—7 (*ἐκπηδήσας τῆς παρατάξεως* В 292, 8—9); *вчнма кгѡ нскочнвшнма* 337, 32 (*ὀφθαλμῶν αὐτοῦ ἐξεληθόντων* В 497, 10).

ВЫНЪЗТИ: *мечъ вынѣзъ* 526, 12 (*τὴν σπάθην γυμνώσας* В 24, 14). Чуть ниже употреблен глагол *объзнажити*: *дръзновѣшѡу на нь мечъ венажити* 526, 14 (*τολμήσαντος ἐναντίον αὐτοῦ τὸ ξίφος γυμνώσαι* В 24, 16—17). В другом контексте употреблен глагол *нзвѣщн*: *нзвлекше своа меча* 484, 11 (*γυμνώσαντες αὐτῶν τὰ ξίφη* В 769, 3). Форма *вин. мн. меча* — древнеболгарская, в древнерусском — *мечь*.

ВЫСЫПАТИ: *н высыпавъ злато* 475, 20—21 (*κενώσας τὸ χρυσίον* В 751, 12; то же и в издании Муральта 644, 2—3). В греч. тексте союз *καί* (*и*) отсутствует. Это означает, что здесь первоначально был глагол *нсыпатн*.

ВЫЛОЖИТИ: *сн нанпа бж твеныа лювѣ бездоуновены словесныа нарѣ ныа* (вариант *наречены*) *дша быша н телесемъ тлѣщншнмъ ѡже ѡ на выложена* 413, 22—24 (*τὰ δὲ ἐπὶ πλεῖον τῆς θείας ἀγάπης ἀποψυγέντα λογικὰ ψυχὰς ὀνομασθῆναι καὶ σώμασι παχυτέροις τοῖς καθ' ἡμᾶς ἐμβληθῆναι* В 631, 3—6). У Срезневского (I, 446) цитирован данный контекст, а значение определено как 'обложить, одеть'. Трудно согласиться, что семантику глагола на *вы-* можно выразить глаголом на *о-*: даже в значении исчерпанности действия, где их семантика наиболее близка, оба префикса все же расходятся: *о-* (*об-*) указывает на действие, происходящее вокруг или по поверхности чего-нибудь. В контексте идет речь об учении Оригена о воплощении падших до сотворения мира духов в разных телах: грубые станowią дяволами, тончайшие — ангелами, средние — людьми. В этом смысле в греческом тексте употреблен глагол *ἐμβάλλω*, которому в славянских переводах обычно соответствует *въложити*. Скорее всего, именно этот глагол был в переводе, тем более, что он соответствует структуре греческого глагола,

ВЫНАТИ: *ноулна кесарѡ нероженѡго, нѡ мѣрн кгѡ оумершн въ ѡ. м цъ, н пропорше* (вариант *пропоровше*) *ю* (вариант *ѡтрѡвѣ еѡ*), *вынаша кгѡ нцрѣва* 205, 1—3 (*Ἰουλίου Καίσαρος τοῦ μὴ γεννηθέντος. τῆς γὰρ μητρὸς αὐτοῦ θανούσης ἐν τῷ 9' μηνί, καὶ ταύτην ἀνασχίσαντες ἐξέβαλον αὐτοῦ* В 293, 2—4). И этот пример неубедителен, так как рядом стоит словосочетание *нцрѣва* (*нс чрѣва*), отражающее явление консонантной диссимиляции при сочетании свистящих [s], [z] и палатальных аффрикат [č], [dž], столь характерное для древнеболгарского языка (Грамматика 1991, 132). Другие случаи консонантной диссимиляции в Хронике: *ншезномѣть* 186, 18, *ншезновенн* 444, 23, *ншадья* 196, 15, *нцрѣва* 117, 7, *вещнсла* 319, 15, 339, 18, *вещнслънын* 216, 3 (см. также Истрин III, 248—49).

ВЫСЕΛΗΤΗ: **ВЫСЕΛΕΝΟΥ** (вариант **ВСΕΛΕΝΟΥ**) **ΒΥΒΗΘΥ ΝΗΛΑΚΗΝΟΥ** 188, 4 (*ἀποικισθέντος τοῦ Ἰωακείμ* Б 268, 12—13). Речь идет об иудейском царе Иехонии, сыне Иоакима, который был *переселен* Навуходоносором из Иерусалима в Вавилон (4 Цар. 24: 14—15, 2 Паралип. 36: 10, Иер. 27: 20). Вышеуказанный контекст — цитата из Книги пророка Иеремии 52, 31—32. Греческое ἀποικίζω означает как 'выселять, переселять', так и 'заселять, вселять, поселять'. В других случаях в Хронике ἀποικίζω переведен глаголами **πρ᾽**вσελητη 184, 10 и **от**σελητη 206, 21. Относительно Иехонии переводчик, переводя ἀποικίζω, мог сделать упор на момент переселения (выселения) из Иерусалима или на момент поселения в Вавилон. В первом случае он мог использовать глаголы **н**σεληти, **πρ᾽**вσεληти (на худой конец — **вы**σεληти), во втором — **в**σεληти. Учитывая разночтения **в**селену — **вы**селену, первичность глагола **в**σεληти выглядит более надежной, так как в противном случае приходится объяснять каким образом выпал диграф **ы**.

ВЫΛΑΓΑΤΗ: **н**саниа **ρ**ε̄: [**вн**д,в]ные, **к**е **вн**д,в **н**саниа, **сн**з **а**мосовз, **н**а **в**авоулонз, **п**р^тнаагасть же **з**а^тниа **с**т^тр **т**и **ω** **в**зылаганзиχз (вариант **в**ылганных). **н** **н**же **с**оуть **с**обранн, **м**ечемь **д**а **п**адоӯ 130, 18—21 (*Ἡσαΐας εἰπὼν ὄρασις ἦν εἶδεν Ἡσαΐας υἱὸς Ἀμὼς κατὰ Βαβυλῶνος ἐπάγει τὰ ἐλεεινὰ πάθη τῶν ἐξανδραποδιζομένων καὶ οἵτινες συνηγμένοι εἰσίν, μαχαίρα πεσοῦνται* Б 175, 11—13). Согласно СДРЯ XI—XIV вв. (II, 244) значение неясно. Речь о Вавилонском пророчестве Исая (Ис. 13: 14—15), где перечислены беды, которые постигнут вавилонян. Греческое ἐξανδραποδιζω означает 'покорять, поработать, обращать в рабство'. Возможно, чтение **в**зылаганзиχз следует понимать как 'изгнанных'; см. **н**злагати 'выбрасывать, выгонять' (СЯС 13, 745—46), **в**зылагати 'выгонять, изгонять' (СЯС 7, 357). Разночтение **в**ылганных придает оттенок неясности не только всему контексту, но и этому случаю с префиксом **вы**-.

ВЫΚΛΟΝΗΤΗ **с**а: **н**во **н**с **к**овчега **в**ыκλονη̄шю **с**а **н**емоӯ 56, 20—21 (*καὶ γὰρ τῆς κιβωτοῦ προκύψαντα* Б 50, 15); **нн** **к**дннз **во**, **ρ**ε̄, **в**нч^таеть, **а**ще **н**е **з**аконьно **п**острада (вариант **п**остраждет). **в**зκλονнз **с**а (вар. **в**ылκлоннз **с**а) **о**убо **в**знезапоу **н** **н**е **х**ота, **н** **вн**д,в (вар. **вн**д,ввз) **ж**енӯ **м**зюцню **с**а, **н**е **ѡ**бъже **вн**д,внн^а (вариант **вн**д,вн^а), **н**ако **п**огзвель **к**сть 136, 2—5 (*οὐδεὶς γὰρ, φησὶν, στεφανοῦνται, εἰ μὴ νομίμως ἀθλήσῃ. διακύψας τοίνυν ἀπλοικῶς, οὐ περιέρως, καὶ ἰδὼν τὸ γύναιον λουόμενον, οὐκ ἔφυγε τὴν θείαν ὡς ὀλεθρίαν* Б 184, 6—9); **з**он же **с** **ц**р̄мь **с**пацинн **г**оворз **в**ноушнвшн **д**верца^мн **в**ыκλονнвшн **с**а, **о**умлзкноӯ 531, 9—10 (*ἡ δὲ Ζωή, τῷ βασιλεῖ συγκαθεύδουσα καὶ θροῦν ἐνωτισθεῖσα, διὰ τῆς θυρίδος προκύψασα, κατεσίγαζεν* В 29, 1—2). В одном из указанных примеров читается глагол **в**зκλονнти **с**а, зафиксированный в словарях (СДРЯ XI—XIV вв. II, 153 — две цитаты из Григория Богослова по списку XIV в.). **в**зκλονнти **с**а не соответствует по семантике греческому διακύπτω, тем не менее его присутствие в одном из списков ставит под сомнение изначальность глагола **в**ыκλονнти **с**а в переводе Хроники. В последнем примере наблюдается пространственное значение беспредложного твор. падежа — движение проникает **ск**возь предмет или отрезок пространства (Бауэрова 1963, 290); ср.: **н**е **в**зходан **д**вѣр̄ьмн

въ дворъ овчнн δία τῆς θύρας Но. 10. 1, Зопр, Мар, Асс; н прѣклоннвъ сѧ двѣрьцами паракύβας ἐκ τῆς θυρίδος Супр 516, 7; двѣрьцами смоштраахъ долоу катаσκολήσαντες Супр 194, 8.⁴ Подобное употребление твор. п. известно и древнерусскому языку (Ломтев 1956, 239), однако лишь с глаголами на вы-, из-, въ-, в отличие от древнеболгарского языка, использующего префикс нз-, въ-, про-, прѣ- и глаголы, чьи префиксы не имеют пространственного значения (сѧмаштраитн). Сказанное позволяет предположить, что в последнем контексте первоначально был глагол прѣклонитн сѧ (ср. Супр), тем более, что прохѣлто и паракѣлто близки по значению. Русскому переписчику глагол прѣклонитн сѧ в таком употреблении мог быть непонятен (см. Срезневский II, 1654).⁵ П. А. Лавров (1925—26, 671) считает, что глагол выклонитн сѧ является моравизмом. Трудно, однако, с этим согласиться.

Из проделанного разбора видно, что случаи с глаголами на вы-, скорее всего, результат последующей русификации текста, о чем писал еще М. Вейнгарт (1923, 511).

3) Греческое μβ — в переводе мб. В. М. Истрин писал, что передача через мб греческого μβ (например, амбонъ — ἄμβων II, 279—282) служит доказательством русского происхождения перевода Хроники Георгия Амартола. Вслед за В. М. Истриным и Д. С. Лихачев определил группу мб из греческой μβ как „русский“ признак, доказывающий русское происхождение данного переводного памятника (Лихачев 1983, 417). Отметим вскользь, что глава „Особенности изучения текста переводных произведений“ в цитированной книге Д. С. Лихачева (с. 404—436) целиком построена на примерах из Хроники Георгия Амартола и на неубедительных рассуждениях А. И. Соболевского о лексических „русизмах“, среди которых оказались такие, как село в значении 'селение', сѧно в значении 'сухая трава', лѧити 'брехать (о собаке)' (см. Лихачев 1983, 416, Соболевский 1910, 166 примеч. 1 = Соболевский 1980, 137, примеч. 6).

Еще Н. Н. Дурново отметил, что данный признак нельзя признать русским, и указал на примеры из Супр, Болонской Псалтыри и др. памятников, где греческое μβ передано через мб (Дурново 1925—26, 453—54). М. Вейнгарт писал, что мб является следствием „ученой реконструкции“ (1923, 511).

4) Окончание отчества -нчь. В тексте Хроники отмечено около 20 случаев такого окончания. Такие как нвсѣдековнчь 193, 10, лѧговнч 199, 2, снрѧховнчь 204, 18, 299, 22, зѧвѣдѣвнчь 215, 6, валовнчь 299, 14 и др. могли в первоначальном виде иметь окончание -овъ, -квъ. Другой пример: авесаломъ рѧтанчнча (в др. списках рѧтанъчнша, рѧтанчаша) 544, 11 ('Αβσαλὼμ τὸν τοῦ Ἀροτρᾶ В 41, 3). Если форма рѧтанчнча была в переводе, то непонятно, почему русские переписчики не поняли эту обычную для древнерусского языка форму и исказили ее. Фнлофнн (вариант фнлофѧ) епархъ поуданчь оу подроумскаго кроуга мечемь оусѧкноу 544, 12—13 (Φιλόθεος ὁ τοῦ Λαμπροῦδη ἐν τῇ ἱπλικῷ σφενδόνῃ ξίφεϊ ἀπέτεμεν В 41, 5—

⁴ Т. П. Ломтев дает еще один пример из Супр: усты нзлнвѣтъ сѧ. крѧвь рнноу сѧ ноздрѧма. прондѧ тѧсныи двѣрьми. В Супр, однако, такого текста нет. Миклошич (800) приводит цитату из сербского Пролога XIV в.: крѧвь рнноу сѧ ноздрѧма.

⁵ За неполнотой Словарей древнерусского языка приходится ссылаться лишь на Словарь Срезневского.

6). Неясно, каким образом τοῦ Λαλιούδη стало *пчлладнчъ*. Нельзя не указать на переход греческого [ó] в [u] (Лзидзилис 1990, 22—23) в слове *подрумъскын* (ππιλός); ср. болгарское *друм*, древнеболгарское *друмъ* — раннее заимствование из греческого δρόμος (БЕР I, 433). Еще два примера: *селевкъ грпнитчъ* 299, 16 (Σέλευκος ὁ τοῦ Γρουῶ Β 435, 5); неясно, почему в тексте *грпнтчъ* вместо ожидаемого *грпнчъ*; *дарни нстаповнчъ* (вариант *нстаковнчъ*) 198, 18—19 (Δαρειός Ὑσάσπου Β 285, 2). Как видно из приведенных примеров, весьма сомнительно, чтобы формы на -нчъ могли принадлежать перу переводчика (см. также Вейнгарт 1923, 511).

5) Глоссы. Уже было сказано, что В. М. Истрин убежден в том, что все глоссы в тексте Хроники принадлежат переводчику (II, 203—217; особенно 211, 283—289). По этому поводу П. А. Лавров писал, что „из большого числа глосс, однако, немногие могут быть привлечены для разрешения вопроса о национальности переводчика“ (1925—26, 675). Он привел множество примеров из Богословия Иоанна Дамаскина в переводе Иоана Экзарха Болгарского и Шестоднева последнего (там же, 673). Автор согласен, что глосса τριήρουз — *трнруу глѣмын шладъ* 561, 21; 567, 3 принадлежит русскому (там же), но тут же указывает на болгарский характер глоссы σερτήναι — *снрнны рѣкше ввлы* 428, 28 (там же, 675); см. статью *вилы* в Мифологическом словаре, с. 124, согласно которому эти мифологические существа известны только южнославянской мифологии. Глоссу ἄρτουз — *коврнгъ рѣкше соухъна посмагы* 400, 25 тоже можно отнести за счет болгарина: в болгарском слово *ковриг* м. р. в отличие от русского *коврига* (Лавров 1925—26, 677).

Нельзя пройти мимо глосс, в которых глоссируемое слово отражает древнеболгарское языковое явление или же является древнеболгарским. Например, ἑβδομάς — *седмница рѣкше недѣян* 213, 17, *седмница, рѣкше недѣян нашъскы* 213, 26. По В. М. Истрину, наречие *нашъскы* указывает на язык переводчика, т. е. — на древнерусский язык. Слово *седмница* 'неделя' — древнеболгарская семантическая калька с греческого ἑβδομάς. Все слова с суффиксом *-ница* со значением числа в русском языке, по нашему мнению, заимствованы из древнеболгарского, хотя этимологический словарь М. Фасмера обходит стороной эту проблему (см. статьи *Троица, седмица; единица* вообще отсутствует). Доказательством тому служит и неполнота словообразовательного ряда в русском языке (кроме указанных слов см. у Даля I, 247, 417, 433 еще *двоица, осьмица, десятица*), в то время как в болгарском языке эта модель представлена гораздо шире: от 1 до 20 плюс слова со значением 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100. Если данная глосса принадлежит переводчику, следует признать, что это довольно странная процедура: использовать иноязычное слово при переводе, а затем объяснять его на своем языке, когда гораздо проще употребить свое слово. Если же это слово было широко употребительным в древнерусском литературном языке, то тогда отпадает необходимость в его глоссировании.

Προβλευσίς — *проблепсн. рѣкше прншествне* 514, 26, *пронлепсн рѣкше предвхоженъне* 383, 21; см. также *въ проелепсъ* 511, 21 (ἐν τῇ προβλευσί Β 11, 14). В данном грецизме отражена передача греческого υ через п, явление, характерное для болгарского языка. На это обратил внимание еще П. А. Лавров (1925—26, 467; см. также Дзидзилис 1990, 49: μαγεύω — *магепсам, проуеѡ* — *прогепсам*). П. А. Лавров указал еще на один очень

существенный случай: таче на БЪЛГАРЫ БОЕВАВЪ, ПОБЕДН А КРЪПКО, ІАКО Н ГЛЕМАГО ДВОРА КНЪЗА НХ АПТОКРОУМЛА пожеши 487, 16—17 (εἶτα κατὰ Βουλγάρων ἐπιστρατεύσας ἐνίκησεν αὐτοὺς κατὰ κράτος, ὥστε καὶ τὴν λεγομένην αὐλὴν τοῦ ἀρχηγοῦ αὐτῶν Κρούμνου πυρπολήσαι В 774, 18—20). Поставив прописную букву Л в издании, В. М. Истрин образовал новое личное имя. Первоначально в тексте, видимо, читалось кнѣза апѣ (апѣон) кроумла. Чтение с местоименной формой н^х — позднейшее исправление. Поэтому слова С. Франклина „трудно себе представить, что болгарский переводчик не узнал бы имя знаменитого болгарского князя Крум“ (1988, 330) не являются серьезным аргументом в пользу русского происхождения перевода Хроники.

Σχημα — скнмму рекше овразъ 481, 24. В слове скнма отражается переход сч > ск > ск (Дзидзилис 1990, 57: σχημα > σκίμα — в болгарском *скѣ-матен*).

Особо следует отметить глоссу αἰλουρον — клоурда рекше коуноу 71, 7¹; также крорулы 64, 16 без глоссирования. В форме крорулы отражена метатеза р и л при заимствовании в болгарском слов из греческого (Дзидзилис, 1990, 68). Можно привести болгарский топоним *Ерул* — село вблизи г. Трън (северо-западно от Софии). Болгарский исследователь В. Миков считает, что топоним этот восходит к латинскому, но не привел доказательств (Миков 1943, 77). Вряд ли топоним можно связать с племенным названием *Eruļi*, *Negulī*, встречающемся у *Amnīanus Marcellinus*, тем более, что сам В. Миков относит его к названию животного, только неясно какого. К сожалению, у нас нет других данных,⁶ подтверждающих гипотезу, что болгарский топоним *Ерул* восходит к αἰλουρος 'лисица', кроме того, что в практике встречаются географические имена от названий животных, а также и то, что, по словам моих бабушек (одна из них родом из этого места, другая жила там некоторое время), в начале века в районе было много лисиц.

Мнение В. М. Истрина, что „предполагать же несколько глоссаторов у нас нет никаких оснований“ (II, 211), следует признать несостоятельным. Как видно, часть глосс принадлежит переводчику, а часть — переписчикам. Доказательством тому служит то, что глоссируемые слова отражают древнеболгарские языковые явления и что в глоссах наблюдается присутствие особенностей древнерусского языка. Все это заставляет нас думать, что к каждой глоссе необходимо подходить строго индивидуально.

6) Φράγγοι = Вѣрѣжскъ. По властнѣ немецкою 472, 6 (εἰς τὴν τῶν Φράγγων ὑποταγὴν В 744, 7—8); ѡ рода вѣрѣжска соущнмъ 567, 2—3 (οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται В 60, 27); королевн фрягѣнскомоу 568, 26 (τὸν ρῆγα Φραγγίας В 62, 16). По мнению В. М. Истрина, слово *вѣрѣжскъ* „в рассказе о походе русских на Царыград указывает на переводчика русского“; далее: „для южнославянина такое подразделение Франков на немцев и Варягов, в зависимости от действия тех и других, было бы недопустимо“ (II, 289). По поводу последнего замечания напомним, что Первое Болгарское царство в определенный период своей истории имело тесные контакты с государством Франков. Г. Г. Литаврин выдвинул гипотезу, что русские, во времена их походов на Константинополь в X в., имели договоренность с Симеоном

⁶ Попытка найти хоть какую-нибудь зацепку в диалектной картотеке Института болгарского языка при Болгарской Академии наук не увенчалась успехом.

(Литаврин 1983, 71—74).⁷ Н. Н. Дурново заметил, что данное чтение в Хронике появилось под влиянием летописи (1925—26, 457). Скорее всего, в переводе было слово *фрагннскъ*, которое было заменено русским книжником на *варджескъ*, так как речь шла об истории русских походов на Константинополь (ср. ниже случай с именами Аскольда и Дира).

7) Скуфы — Козары; 8) Селунь — Фессалоники (Истрин II, 290—291). Эти случаи относятся к глоссам (см. выше; также — Дурново 1925—26, 457, Лавров 1925—26, 677), поэтому не обладают надежностью.

9) Бохмитъ. В. М. Истрин считает, что имя Бохмитъ на месте Моухомед (449, 13, 20; 450, 4; 451, 28; 453, 23; 486, 22) принадлежит русскому переводчику на том основании, что это имя встречается якобы только в русских памятниках (II, 291). Такими памятниками, по его словам, являются Толковая Палея и перевод Жития Василия Нового. Происхождение Толковой Палеи неясно. В своих работах В. М. Истрин (1897, 1898, 1905) отстаивает ее русское происхождение. Т. Славова считает, что памятник возник в среде книжников вокруг Иоанна Экзарха Болгарского (1991). Нельзя не напомнить и мнение первых исследователей Толковой Палеи, считающих, что это переводной памятник, возникший на славянском юге (Тихонравов 1898, 111, Успенский 1876, 127). Относительно сомнительности русского перевода Жития Василия Нового высказался Ф. Томсон (1993, 327—328).

По словам Н. Н. Дурново (1926—26, 457), чтение Бохмитъ несомненно русское. П. А. Лавров, однако, приводит цитату из берлинского юсового сборника XIII в.: „аще кто въ вл'гарѣхъ вѣдѣтъ въ бохмитѣхъ (напечатано л вместо х, быть может так и в рукописи, если не опечатка) хрнстнѣаннѣи въелѣжъ вѣстѣпнтѣ въ бохмитѣскѣжъ вѣрѣжъ“ (1925—26, 678; см. также Миклас, Загребин 1988, 1, 73—74).

Там же П. А. Лавров указывает и на Похвальное слово Кириллу и Мефодию: бохмнговѣи владн. Принимая во внимание родство болгар, основателей Болгарского царства, с волжскими болгарами, чтение Бохмитъ вполне допустимо в древнеболгарском памятнике.

Отметим также разночтение моамедъ (449 примеч. 7, 10; 450 примеч. 2, 3; 451 примеч. 17; 453 прим. 11), на которое В. М. Истрин не обратил внимания. Утрата интервокального х характерное для болгарского языка явление (Стойков 1969, 69, Дзидзилис 1990, 51). С. Младенов (1979, 151) и К. Мирчев (1978, 158—59) констатировали данное явление, но не указали на его периодизацию в истории болгарского языка.

10) Судъ. Н къ нероу приплочушемъ (вариант приплочушн^н), тако по свдоудовн (вариант свдовн) к константнню граду 479, 2—3 (καὶ τὸ Ἱερὸν κατενεχθέντων, οὕτω διὰ τοῦ Στενοῦ ἐπὶ τὴν πόλιν В 759, 2—3, М 652); н в судъ (вариант всоуду) 503, 12 (καὶ ἐν τῷ Στενῷ В 3, 12, М 718); роусъ же, вноутрь соуда вшедше 511, 10 (οἱ δὲ Ρῶς, ἐνδοθεν τοῦ Ἱεροῦ γεγονότες В 11, 2—3, М 736); сьдацинмъ в оумьнн (вариант възмьнн), рекше по соудовн 554, 24—25 (καὶ τὸ Στενὸν κατελθόντες В 49, 28—29, М 819); оумьнъ глѣмын соу^а 567, 27—28 (Στενὸν λεγόμενον В 61, 19—20, М 843). В. М. Истрин писал: „к числу доказательств русского происхождения хроники принадлежит передача словом Судъ греческое τὸ Στενὸν, τὸ Ἱερὸν“

⁷ Эта гипотеза основана на догадках и на словах Константина Багрянородного о том, что русские, достигнув морских пределов Болгарии, не боялись никого и ничего.

(II, 291). Этого же мнения придерживается и С. Франклин (1988, 328). В. М. Истрин возводит древнерусское *соудъ* к скандинавскому *sund* 'пролив'. По М. Фасмеру, слово восходит к древнескандинавскому *sundr* 'пролив, брод' (III, 794). Не возражая против этой этимологии, скажем, что *соудъ* вряд ли принадлежало языку перевода. Рассмотрим случаи его употребления. В первом из них τὸ Ἰερὸν переведено *нероу*, а τὸ Στενόν неизвестно как, поскольку чтение испорчено (*свдоудови*); кроме того — в греческом тексте ἐπὶ τῆν πόλιν в славянском — *къ константнню градоу*, что допускает возможность редактирования текста. Второй пример тоже дает испорченное чтение: совершенно непонятна замена *оу* на *ю* в слове, где нет никаких условий для этого, если, разумеется, предположим, что речь идет о слове *соудъ*. В третьем примере слово *соудъ* употреблено в контексте, где вставлены имена Аскольда и Дира, отсутствующие в греческом тексте (см. ниже). В четвертом примере *соудъ* употреблено в глоссе, греческое τὸ Στενόν переведено словом *оузмень* (*жмень*) 'узкое место'; в пятом — то же самое. По мнению Н. Н. Дурново (1925—26, 447), трудно предположить, чтобы слово *соудъ* было вставлено поздним переписчиком. Как видно, это не только возможно, но представляется наиболее вероятным допущением.

11) Аскольдъ и Диръ. *Юко роуць на константнню гра ндоу*, *асколдъ и диръ* (отсутствуют в Супрасльском и Уваровском списках) и *тъмь цръ прочъ не нде* 511, 9—10 (ὡς οἱ Ρῶς τῆ πόλιν καταλαμβάνουσιν. οὕτω δὲν οὖν ὁ βασιλεὺς τῆς εἰς πρόσω ἐπεσχέθη ὀρμῆς В 11, 1—2, М 736). По нашему мнению, дискутировать сей пример нет необходимости, поскольку очевидно, что это поздняя вставка в уже распространенный на Руси перевод Хроники Георгия Амартола. Этот случай весьма показателен, однако, в плане демонстрации методики анализа, когда желаемое выдается за действительное. В этих целях мы вынуждены привести довольно большую выдержку из труда В. М. Истрина: „Большим доказательством русского происхождения хроники была бы (!) возможность довести до первооригинала имена Аскольда и Дира в повествовании хроники о нападении русских на Царьград в царствование Михаила“ (II, 294); „Но на возведение их к первооригиналу хроники ставит некоторое препятствие „Еллинский Летописец“ первой ред., в котором (в единственном его сп. Синод. 280) имен этих нет, а между тем текст хроники Георгия Амартола в нем восходит к той же первой редакции. Самым естественным заключением являлось бы то, что не все списки первой редакции хроники содержали имена Аскольда и Дира, а лишь некоторые. Первоначально они могли появиться на полях в виде глоссы, а отсюда — в одни списки они попадали, а в другие — нет. Однако это не исключает возможности предполагать (!), что и в самую первую редакцию хроники эти имена перешли из *первооригинала*, а Синодальный сп. „Еллинского Летописца“ лишь выпустил их, как выпустил их оригинал спп. Супрасл. и Уваров. Если бы каким-нибудь способом (!) удалось доказать последнее, то это было бы (!) одним из крупных доказательств русского происхождения хроники: было бы ясно (!), что переводчик хроники дополнил перевод из хорошо известного ему русского народного предания“ (II, 294—95; курсив автора). Комментарии излишни.

12) Словарный материал. В. М. Истрин считает, что „если мы встречаем в каком-либо памятнике ряд слов, которые должны быть признаны русскими, то мы можем не сомневаться в том, что они восходят к

первооригиналу“ (II, 295). Затем В. М. Истрин приводит список „русских“ слов в Хронике, о чем П. А. Лавров справедливо заметил, что „его придется убавить“ (1925—26, 678).

Изучение словарного материала Хроники Георгия Амартола должно стать предметом самостоятельного исследования, так как в существующих работах приводятся лишь списки отдельных слов. Поэтому здесь мы ограничимся лишь несколькими замечаниями. Ныне уже хорошо известно, что наличие или отсутствие того или иного слова в словарях П. И. Срезневского и Ф. Миклошича ничего не дает исследователю в решении вопроса его принадлежности тому или иному древнему славянскому языку. Оба словаря содержат материал памятников, возникших в разное время и в разных регионах православного славянства. В связи с этим, частые ссылки В. М. Истрина на указанные словари не обладают нужной весомостью; в такой же мере малоубедительны ссылки на спорные переводные сочинения (о проблемах изучения переводных текстов см. Станков 1989).

Среди „русизмов“ оказались такие слова, как *волѣсть*, *вьль* (правильнее *вьля*), *дрѹжна*, *дрѹжити*. Аргументом русского происхождения слова *волѣсть* служит факт его употребления в переводе Иосифа Флавия (Истрин II, 298). Слово *волѣсть* общеславянское, возводимое к праслав. языку (ЭССЯ 2, 186—87), поэтому оно не может служить доказательством при определении языка перевода. Вряд ли прав В. В. Колесов, утверждая, что болгарские редакторы „Пандектов Никона“ заменяли разнозначные лексемы — *волѣзьн* на *волѣсть* (Колесов 1982, 14). В. В. Колесов пытается найти систему распределения лексем по памятникам непонятно, однако, на каких основаниях: „традиция для этих двух переводческих школ (Древней Руси и Восточной Болгарии — Р. С.) общая, и употребление известных лексем также со временем получает свою традицию“ (там же).

По поводу слова *вьль* (*вьля*) В. М. Истрин задает риторический вопрос: „не есть ли и в Супр. рук. (Супрасльской рукописи — Р. С.) это слово русизм?“ (II, 298). Слово *вьля* протоболгарского происхождения (БЕР I, 63), обнаружено также в надписи Мостицу в сложном слове *чрьгѹвьля*.

О словах *дрѹжна*, *дрѹжити* даже не стоит и говорить, тем более удивительно, что знаток болгарского языка П. А. Лавров относит *дрѹжна* к русизмам (1925—26, 680).

Прежде чем подвести итоги, остановимся на теоретических постановках В. М. Истрина. Трудности установления происхождения того или иного славянского перевода заключаются, по его мнению, в том, что „литературный церк.-слав. язык был одинаково принят в употребление во всех трех странах (Болгария, Русь, Сербия — Р. С.), и где бы памятник ни переводился, он переводился везде на один и тот же литературный язык“ (II, 271). Решение данной проблемы В. М. Истрин видит в возможности употребления в памятниках местных, диалектных слов (там же). Таким образом, задачу исследователя, пытающегося ответить на вопрос, где сделан тот или иной перевод, В. М. Истрин сформулировал так: „из всего словарного материала памятника выделить все такие местные, диалектические слова и по ним определить место происхождения памятника“ (там же). Наличие русских слов в каком-либо памятнике несомненно свидетельствует о его русском происхождении (там же).

Теоретическая база В. М. Истрина, несмотря на содержащееся в ней рациональное зерно, страдает серьезными недостатками.

1) Функциональная нагрузка „общего литературного языка“ во всех

трех странах разная. Нельзя отождествлять древнеболгарский язык в Болгарии с тем же самым языком в качестве литературного на Руси и в Сербии. На Руси и в Сербии древнеболгарский язык был исключительно языком богослужения и литературы; этот язык постепенно приспособился к местным условиям, и таким образом возникли соответствующие изводы древнеболгарского языка. В Болгарии „общий литературный язык“ функционировал в своей естественной среде на всех уровнях, сохраняя свою разговорную или „вульгарную“ функцию (Дограмаджиева 1983), которая, по словам Р. Пикио, не нашла отражение в определенном литературном роде, что связано с особенностями культурного развития православного славянства (Пикио 1993, 137—69). В силу этих обстоятельств, исследуя древнеболгарский письменный памятник, трудно, порой, отличить элементы книжные от элементов разговорных, так как оппозиция „свое“ и „чужое“ в данном случае не действует. Обычно обо всем этом забывают, что приводит к парадоксальным утверждениям о существовании „древнеболгарского“ извода этого „общего литературного языка“ (Дунков, Станков 1988). Непонимание этих вопросов В. М. Истриным видно по его терминологии: древнеболгарский, древнесербский, древнерусский (II, 271), общий церковнославянский язык и славяно-русский язык по отношению к языку перевода Хроники Георгия Амартола. Судя по контексту древнеболгарский, древнесербский, древнерусский следует понимать как изводы „общего церковнославянского литературного языка“, в основу которого, по словам самого В. М. Истрина, „лег староболгарский с некоторыми моравизмами“ (III, XLIX). Трудно также понять соотношение терминов „общий церковнославянский язык“, „славяно-русский язык“, „древнерусский язык“. В заключении статьи в III томе сказано, что перевод Хроники сделан „на общелитературный язык, но в *русской* его редакции“ (III, L; курсив автора).

2) Первый недостаток влечет за собой второй. Не только В. М. Истрин, но и другие современные исследователи забывают, что необходимо, причем в обязательном порядке, учитывать периодизацию в истории развития письменности Slavia Orthodoxa и ведущую роль Болгарии до XV в. Это означает, что исследователь должен принимать во внимание текстологию данного памятника. Наличие яркого русизма в одном или двух списках еще не является доказательством русского происхождения памятника. Показателем в этом отношении разбор всех аргументов В. М. Истрина в пользу русского происхождения перевода Хроники Георгия Амартола. Наличие, однако, яркого болгаризма (в частности, это касается диалектных фонетических, морфологических, лексических элементов, а также — явлений, чуждых древнерусскому языку, — как простой аорист, например)⁸ позволяет с определенной ясностью высказаться о месте происхождения данного памятника.

Подводя итоги, можно сделать категорический вывод, что аргументация В. М. Истрина в пользу русского происхождения перевода Хроники Георгия Амартола не выдерживает критики. Более того, ее следует признать несостоятельной.

Мнение П. А. Лаврова о моравском влиянии на язык Хроники (1925 — 26, 472 — 480) заслуживает специального исследования. Самый солидный аргумент, префикс *вы-* при глаголах, после нашего анализа отпадает. Что касается списка слов, свидетельствующих о моравском влиянии, то он тоже вызывает сомнения. Приведем пример: *кокогъ* 'петух' 544, 3. П. А. Лавров ссылается на большое число примеров в древнечешском словаре Гебауера

⁸ В отношении синтаксиса, по нашему мнению, необходимы точные статистические наблюдения.

1925 — 26, 476). БЕР приводит производные от *кокотъ* в некоторых западноболгарских диалектах (II, 539). Там же указаны и греческие топонимы, возводимые М. Фасмером к *кокотъ*: *Кохоті* (село в Фессалии), *Кажотари* (село в районе Ламбии). Последнее вряд ли говорит в пользу моравского влияния на язык Хроники, которая, судя по всему, была переведена в Болгарии в конце X в. Для уточнения времени и места перевода необходим более детальный анализ языковых данных. Детальное изучение текста славянского перевода Хроники Георгия Амартола позволит также определить в какой степени он подвергся правке на Руси.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бауэрова 1963 — Бауэрова, М. Беспредложный творительный падеж в старославянском языке. — В: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, 287—311.
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1. С., 1971, Т. 2. С., 1979, Т. 3. С., 1986.
- де Боор — de Boor, C. *Georgii Monachi Chronicon*. Lipsiae. Vol. 1—II, 1904.
- Васильевский 1895 — Васильевский, В. Хроника Логофета на славянском и греческом. — Византийский временник, 1895, № 2, 78—151.
- Вейнгарт 1923 — Weingart, M. *Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské*. Čast 2. Bratislava, 1923.
- Геров — Геров, Н. Речник на българския език. Т. 1—6. Пловдив, 1895—1908.
- Грамматика 1991 — Грамматика на старобългарския език. С., 1991.
- Даль — Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Фототипическое издание. Т. 1—4. М., 1978—1980.
- Дзидзилис 1990 — Дзидзилис, Х. Фонетични проблеми при етимологизуване на гръцките заемки в българския език. С., 1990.
- Дограмаджиева 1983 — Дограмаджиева, Е. За съотношението между говорима реч и книжовен език в славянските езици през IX—XI век. — В: Славянска филология. Т. 17. С., 1983, 57—64.
- Достал 1963 — Dostál, A. *Slovanský překlad byzantské kroniky Georgía Namartola*. — *Slavia* 32, 1963, № 3, 375—384.
- Дунков, Станков 1988 — Дунков, Д., Станков, Р. К вопросу об основных положениях становления и развития древнеболгарского литературно-письменного языка и его изводов. — *Palaeobulgarica/Старобългаристика*, XII, 1988, № 1, 9—28.
- Дурново 1925—26 — Дурново, Н. Н. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола. — *Slavia* 1925—26, № 4, 446—460.
- Истрин 1897, 1898, 1905 — Истрин, В. М. Замечания о составе Толковой Пален. — ИОРЯС, 2, 1897, № 1, 175—209; № 4, 845—905; 3, 1898, № 2, 472—532; 10, 1905, № 4, 135—203.
- Истрин 1906 — Истрин, В. М. Греческий оригинал так называемого болгарского перевода хроники Георгия Амартола. — Византийский временник, 13, 1906, 36—57.
- Истрин 1910 — Истрин, В. М. К изданию так называемого болгарского перевода хроники Георгия Амартола. — ИОРЯС, 15, 1910, № 2, 222—240.
- Истрин 1923 — Истрин, В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. — *Slavia* 2, 1923, № 2—3, 460—467.
- Истрин I, II, III — Истрин, В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Текст. Петроград 1920, Т. 2. Исследование. Петроград 1922, Т. 3. Греческо-славянский и славяно-греческий словари. Л., 1930.
- Каждан 1959 — Каждан, А. П. Хроника Симеона Логофета. — Византийский временник, 15 1959, 125—143.
- Колесов 1982 — Колесов, В. В. Литературные слова в диалектной речи (3. Болезнь). — Диалектная лексика 1979. Л., 1982, 12—28.
- Лавров 1925—26 — Лавров, П. А. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. — *Slavia* 4, 1925—26, 461—484; 657—683.
- Литаврин 1983 — Литаврин, Г. Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—

- Х вв. — В: IX Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Доклады советской делегации. М., 1983, 62—76.
- Лихачев 1983 — Лихачев, Д. С. Текстология. Л., 1983.
- Ломтев 1956 — Ломтев, Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
- Мещерский 1978 — Мещерский, Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978.
- Миклас, Загребин 1988 — Miklas, H., Zagrebín, V. Berlinski sbornik. Graz, 1988.
- Миклошич — Miklosić, F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
- Миков 1943 — Миков, В. Происход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места. С., 1943.
- Мирчев 1978 — Мирчев, К. Историческа граматика на българския език. С., 1978.
- Мифологический словарь — Мифологический словарь. М., 1990.
- Младенов — Младенов, Ст. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. С., 1941.
- Младенов 1979 — Младенов, Ст. История на българския език. С., 1979.
- Муральт — Муральт, Э. Г. Georgii Monachi dicti Hamartoli Chronicon. Георгий Амартол Монах. Греческий подлинник, подготовленный к изданию Э. Г. фон Муральтом. — Ученые записки второго отделения Импер. Акад. наук, Кн. 6, СПб., 1859.
- Петкович 1914 — Петковић, С. Опис рукописа манастира Крушедола. Сремски Карловци, 1914.
- Пикио 1993 — Пикио, Р. Мястото на старата българска литература в културата на средновековна Европа. — В: Пикио, Р. Православното славянство и старобългарската културна традиция. С., 1993, 137—169.
- Розов 1925—26, 1926 — Розов, В. Рец. на кн.: Weingart, M. Byzantské kroniky v literatufe cirkevňoslovanské. Přehled a rozbor filologický. Čast II. — Slavia, 4, 1925—26, 364—370; Slavia, 5, 1926, 359—365.
- СДРЯ XI—XIV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., Т. Т. 1—4. 1988—1991.
- Славова 1991 — Славова, Т. За протографа на Тълковната Палея (Върху материал от палеяния Шестоднев). — Palaeobulgarica, XV, 1991, № 3, 57—69.
- Словарь книжников — Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987, 467—470.
- Соболевский 1910, 1980 — Соболевский, А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. — В: Соболевский, А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. — Сб. ОРЯС, 88, СПб., 1910 № 3, 162—177. (=Соболевский, А. И. История русского литературного языка. Л., 1980, 134—147.)
- Срезневский — Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Тт. 1—3. СПб., 1893—1912.
- Срезневский 1867 — Срезневский, И. И. Русская редакция Хроники Георгия Амартола. — Сб. ОРЯС, 1, 1867, 20—26.
- Станков 1989 — Станков, Р. Проблемы исследования древнеболгарских переводных текстов, сохранившихся в инославянской рукописной традиции (На материале восточно-славянских списков Исторической Палея). — Palaeobulgarica, XIII, 1989, № 4, 91—99.
- Старобългарска литература — Старобългарска литература. Енциклопедичен речник. Съставител Д. Петканова. С., 1992.
- Стойков 1969 — Стойков, Ст. Българска диалектология. С., 1969.
- СЯС — Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958—.
- Тихонравов 1898 — Тихонравов, Н. Сочинения. Т. 1. М., 1898.
- Томсон 1993 — Thomson, F. "Made in Russia". A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia. — In: Millenium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Rußland 988-1988. Vorträge des Symposiums anlässlich der Tausendjahrfeier der Christianisierung Rußlands in Münster vom 5. bis 9. Juli 1988. Böhlau Verlag Köln, Weimar, Wien 1993, 295-354.
- Успенский 1876 — Успенский, Ф. Толковая Палея. СПб., 1876.
- Фасмер — Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. Т. 1—4. М., 1986—1987.
- Франклин 1988 — Франклин, С. К вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык. — ТОДРЛ, 1988, Т. 41, 324—330.
- ЭСЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2. М., 1975.

Rostislav Stankov (Sofia, Bulgaria)

THE SLAVONIC TRANSLATION OF GEORGE HAMARTOLUS
CHRONICLE EDITED BY V. M. ISTRIN

(Summary)

The article deals with the problem where and when was the oldest Slavonic translation of George Hamartolus Chronicle ("Vremennik") was made. It argues with V. M. Istrin's statement ascribing the translation to Kievan Russia. The analysis shows quite clearly that V. M. Istrin's criteria are pointless. To prove the Bulgarian origin of the Vremennik some new linguistic data unnoted in previous works, are adduced. The most probable supposition is that the Vremennik is a late tenth-century Bulgarian translation. It is possible that it was later revised in Kievan Russia.